

25 окт 1989

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. А.ДОНИША

ЭТНОГРАФИЯ В ТАДЖИКИСТАНЕ

Ответственный редактор –
канд. истор. наук А.С.ДАВЫДОВ

ДУШАНБЕ
"ДОНИШ"
1989

НЕКОТОРЫЕ ТРАДИЦИОННЫЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ У ТАДЖИКОВ

Как известно, похоронные и погребальные обряды являются более консервативными среди других обрядов и обычаев, они сохраняют обычно в значительной мере ранние верования.

Шариат требовал "строгого соблюдения погребальных обрядов ислама"¹, после завоевания арабами Средней Азии местное население, в том числе и таджики, приняв ислам и признавая законы шариата, на самом деле часто придерживалось своих местных, веками установившихся древних обычаев и традиций. Ибо "система обычаев и традиций любого народа — результат его воспитательных усилий в течение многих веков. Через эту систему каждый народ воспроизводит себя, свою духовную культуру, свой характер и психологию в ряде сменяющих друг друга поколений"².

Древние погребальные обряды таджиков в сравнении с другими обрядами были очень консервативными, "...мусульманским богословам пришлось немало потрудиться, чтобы кое-что из них изжить, или же, придав им исламскую окраску, втиснуть в рамки шариата"³. Поэтому часть ритуалов, связанных с погребальным обрядом, у таджиков исламизировалась, либо приняла исламскую оболочку, а часть из них все-таки продолжала существовать в своей первоначальной форме. Кроме того, на погребальный обряд со временем наложили свой отпечаток и господствовавшие в разные исторические эпохи общественные формации. Таким образом, в конце XIX — начале XX в. в таджикском погребальном обряде мы видим несколько пластов, имеющих стадийный характер.

Изучение погребальных обрядов необходимо для глубокого понимания мировоззрения таджиков, особенно в старом традиционном быту.

Обычаям и обрядам, связанным с похоронами у таджиков разных районов, посвящен ряд работ. Первые исследования по данной теме принадлежат М.С.Андрееву. Автор освещает похоронные обряды таджиков Ишкашима и Вахана,⁴ Рушана и Язгулема,⁵ Хуфа,⁶ Ягноба⁷, северных районов Афганистана.⁸ Сведения по Кулябу содержатся в работе М.Рахимова.⁹ Традиционным похоронам и поминальным обрядам таджиков Кашка-Дарьинской области Уз.ССР уделит внимание и Р.К.Кадилов.¹⁰

Более обобщающий материал по похоронной обрядности таджиков Категины и Дарваза и некоторых других районов Таджикистана имеется в работе А.К.Писарчик.¹¹ Эта тема в последние годы разрабатывается сотрудниками отдела этнографии Института истории им. А.Дониша АН Тадж.ССР М.А.Хамиджановой по долине Зеравшана,¹² Н.Бабаевой и Л.Бахтоваршоевой по Южным районам республики¹³ и Бадахшану, А.Мардоновой по Гиссарской долине,¹⁴ З.Юсуфбековой — по горному Бадахшану.¹⁵

Авторы данной статьи поставили перед собой задачу описать некоторые традиционные обычаи и обряды, связанные со смертью и погребением у таджиков. Делается попытка интерпретировать сущность и смысл этих обрядов, вобравших в себя многочисленные магические и анимистические доисламские традиции. При этом особое внимание уделяется погребальным обрядам, связанным со смертью молодых (чавонмурй) и пожилых почтенных людей (пири бабарака).

Материалы для данной статьи были собраны авторами во время этнографических экспедиций и индивидуальных командировок в 1970–1982 гг. по долине Зеравшана (Самарканд, Пенджикент) и северным районам Таджикистана (Ленинбад, Канибадам, Исфара и др.), а также в некоторых районах Южного Таджикистана (Дарваз, Джиргаталь). О. Муродовым; по центральным районам Таджикистана (Гиссарская долина: Нижний Каратегин, Файзабад, Варзоб, Каратаг, Регар (Турсунзаде), Сариасия и Бухара Уз.ССР – А. Мардоновой.

Погребальные обычаи и обряды своим содержанием и целью в корне отличаются от ряда народных семейных обрядов и пиршеств. Если свадебные пиршества связаны с созданием новой семьи, продолжением рода, вызывают радость молодоженов и окружающих, то смысл погребальных обрядов иной, особенно смерть молодых. В них выражается горе и несчастье близких и родных умершего, а также забота об умершем в загробном мире.

Горе и печаль об умершем ярко отражались при смерти: молодого человека (холостого юноши), незамужней девушки, а также молодоженов. При оплакивании покойного в выражении горя родителей и родственников большую роль играли специальные плакальщицы "нолакын", "гуянда".

Согласно мусульманским религиозным представлениям, тело человека "часадии одамизод" создано богом из глины и внесена туда душа – "чон" при помощи музыки (чони одам бо нағмаву мақомоти мусики да ромад). В результате их соединения якобы ожил человек, поэтому жизнью человека полностью управляет сам бог: он его создал, он же забирает его к себе. По преданиям, в ранние времена люди якобы жили очень долго и редко умирали в ранней молодости. Но постепенно они стали нарушать запреты бога, не слушали наставления пророков и святых и, совершая тяжёлые грехи, становились грешниками – "гунаҳгор". Рассердившись, бог наказывал грешников согласно их поступкам: одних пугал злыми, страшными и сверхъестественными духами – демонами (девами, аджиной, албастой, гул, бало, шайтаном и др.), находившимися под властью самого аллаха, у других грешников, через архангела Азраила, раньше времени отнимал их душу, третьим посылал различные беды и страдания – "балохри азим".

Таким образом, верующие были убеждены в том, что все явления и случаи жизни связаны с желанием и действием самого бога.

Смерть наступает у разных людей по-разному. Одни умирают внезапно и скоростно, без особых мучений, а другие – в результате долгих, мучительных болезней. О скоростно умершем человеке говорили, что он был любимцем бога, ибо умер без мучений (чонаша осон дод). Про человека, умершего в мучениях, говорили, что посланник бога – архангел Азраил – с трудом отнимает его душу (чон додана ш кинд шуд). Поэтому окружающие желали больному легкой смерти. Для облегчения агонии они совершали магические обряды. Например, в Гиссаре, Каратаге, Регаре, Сариасии для облегчения смерти приносили в жертву барана или теленка, мясо в сыром виде раздавали по кусочку соседям и приходившим для чтения молитвы и благопожеланий. Раздача сырого мяса жертвенного животного называлась "хомталаш". Цель "хомталаша" – спасение больного от мучений при затяжном заболевании: либо выздоровление, либо скорейшая смерть. "Хомталаш" совершали и в других случаях – при спасении человека от различных опасностей: после аварии,

после выздоровления от болезней, после избавления от различных трудностей и травм (хангоми аз шикаст амон ёфтан). Обряд "хомталаш" является одним из видов "худой". Но его отличие от "худой" было в том, что при совершении "худой" из мяса жертвенного животного готовили традиционную ритуальную пищу "шурбо", "плов", "халиса" и т.д.

В Самарканде и Бухаре во время агонии, когда больной долго мучался, тяжело умирал (чони касал дар азоб бошад, ё касал теziба на мурад) и при этом постоянно смотрел на какую-нибудь вещь, говорили, что "он любит свои вещи и не хочет расставаться с ними" (аз чизош дил канда наметонад), и на его глазах эту вещь кому-нибудь отдавали или сжигали. Считалось, что от волнения и сильного переживания больной скончается. Иногда при тяжелой агонии ломали веретено над головой умирающего, и обломки втыкали в землю возле его подушки (Самарканд, Каратаг). Смысл совершаемых магических манипуляций заключался в том, чтобы помочь уменьшить страдания человека при агонии.

Существовала традиция совершать все действия, связанные с покойником, "наоборот" — "чаппа". При обмывании порядок обмывания был обратным — "чаппа мешуштан". Обычно живой человек при совершении ритуального омовения, сначала обмывает части тела ниже пояса: срамные места, ноги, а потом уже руки и лицо; покойного сначала обмывали выше пояса: лицо, руки, а потом ноги и в конце срамные места.

После обмывания группа обмывальщики надевали на него саван — новую последнюю одежду, которую называли "кафан", "такфин", "тафтин", "либоси охират". При этом обмывальщики первыми поздравляли покойного "сарупои нав муборак шавад" — "поздравляем с новой одеждой". Потом для поздравления и прощания заходили близкие и родственники. Этот момент обозначался терминами "муборакбодӣ" ("поздравление"), "видокуний" ("прощание"), "мубораки сарупо" ("поздравляем с одеждой").

При выносе из дома тела пожилого человека его родные и близкие обсыпали носилки с телом белыми монетами и сладостями, т.е. так, как обсыплют жениха или человека, поздравляемого с радостным событием. Этот обряд бытовал в северных районах Таджикистана, в долине Зерав — шана и южных районах Узбекистана с таджикским населением, в частности в Кашка-Дарьинской и Сурхан-Дарьинской областях.¹⁶

В причитаниях плакальщиц упоминались добрые качества человека, его внезапная смерть от руки бога и его беспощадного посланника архангела Азраила, пелось о преждевременной разлуке с родными и близкими покойного. Следующее причитание было записано в Файзабаде:

"Ин сола бине, ки футабандон омад,¹⁷

Ай қаҳри худо марги ҷувонон омад".

Перевод:

"Смотрите, какой этот год стал траурным,
От божьего гнева гибнут молодые".

Хотя смерть считалась велением бога — "тақдири худо", однако родные и близкие, узнав о смерти молодых, сильно горевали и сожалели о них: "бечора ҳайф шуд", "ҷувонмарг шид", "бемаҳал мурд" и т.д., т.е. "бедняга умер рано", "в молодом возрасте", "безвременно". В Фай-

забаде употребляли термин "сияпичамарг шид" — "умер черноволосым". Это считалось настолько тяжелой утратой, что иногда старшие, сильно обидевшись на молодых, проклинали их этими словами: "сияпичамаргът кьна!" — "Умереть тебе молодым черноволосым!" Среди населения этого района считалось произнесение формулы сожаления: "бечора ҳайф шид" — "бедняга умер рано" богоугодным, что несет добро умершему. Покойный, якобы услышав такое сожаление, пожелает в ответ долголетие: "Йлоҳи умри мара набинӣ. Тура ба ӯири бирасона" — "Да проживи ты дольше меня, живи до старости".

В случае смерти молодого человека в его дом собирались близкие друзья, родственники и соседи. Их встречали особой печалью (бо адам) и громкими рыданиями, обнимая друг друга (гардантиракон), сожалели о потере близкого.¹⁸

Для умершей засватанной девушки, а также замужней молодой женщины готовили "тахти марг" — "трон смерти". "Тахт"¹⁹ (букв. "трон") — специальное брачное ложе жениха и невесты. Отличие свадебного трона "тахти арус" или "тахту бахт" от трона смерти — "тахти марг" в том, что свадебный трон украшали самыми дорогими постельными принадлежностями и покрывалами, так же как "трон", на котором проводили молодожены брачную ночь — "шаби арӯси", а в траурном те же вещи постилали наизнанку. Как для юноши, так и для девушки, не доживших до свадьбы и не насладившихся брачным ложем "тахти арӯси", близкие наряжали "тахти марг", заменяющий брачный трон, чтобы покойные не уходили с неисполненными желаниями — "ба ормон наравад".

"Тахт" готовили почти во всех районах: в Файзабаде, Гиссаре, Зеравшане. Раньше "тахти марг" сооружали из больших и плоских табуреток — "сандай", применяемых обычно в быту в зимнее время в комнатах для согревания.²⁰ В настоящее время "тахти марг" стали сооружать на новых сундуках для одежды жениха и невесты. В ряде городов и районов (Самарканд, Бухара, Пенджикент) "тахт" воздвигали без табуреток и сундуков, а только из новых одеял, уложенных высоко посредине комнаты на полу. "Тахти марг" обычно накрывали специально вышитым для семьи и свадьбы покрывалом или сузани.²¹

Подушку клали перевернутой с исподней стороны "чаппа" (наоборот). В комнате или летом во дворе вдоль стен развешивали все приданое и личные вещи умершей, тоже наизнанку. Все эти обряды совершались до принесения похоронных носилок — "тобут". После принесения носилок их наряжали во дворе. При этом натягивали специальную проволоку, где развешивали все вещи умершей опять-таки наизнанку; этот обряд называли "тори сиёҳӣ" — "траурное развешивание". Более мелкие вещи развешивали неподалеку на ветвях деревьев, "шоҳҳои дастрас". Горные таджики эти вещи называли "ҷиез", "ҷиҳез" (лит. "ҷиҳоз"), а равнинные — "бисот" ²² — приданое.

Мать умершей молодой засватанной девушки особенно горько оплакивала свою дочь. Проявление ее горя все нарастало и достигало наивысшей точки, когда приходили жених и сваты.

В кишлаке Тошбулак (Гиссар) мать умершей причитала следующим образом:

"Хушдоманут омадай, намеҳезӣ, духтарей!
Хуш омадию хушрафти кунӣ, арусуме, арусум!"

Перевод:

"Не встанешь ли, о моя дочь, пришла твоя свекровь,
Не встретишь и не проводишь ли ее, о моя невеста!"

На эти причитания матери свекровь и сопровождающие ее отвечают:

"Думоғат сухтай ай қайсингилут, ай хушдоманут?
Дар лаваки ов равум, ҳамдарсота бинум, арусум-е.
Сарута бардор хешу таборут омадай, духтар-е,
Во арусе, во духтаре, во аруси сияхпичамаргум-е!"

Перевод:

"Разве ты обижена на золовку и на свою свекровь?
Схожу к речке, нет тебя среди одноклассников, о
невеста моя.
Подними голову, пришли твои родственники, о дочь моя,
О, невеста, о дочь моя, о невеста, рано ушедшая моя!"

Гостевая ночь умершего — "меҳмон кардани мурда"

По обычаю, таджики хоронили покойника в день его смерти. Но иногда, по необходимости, тело покойного оставляли на одну ночь — "гостевую" и ухаживали за ним, как "за гостем". Это называлось "меҳмон кардани мурда". Эту ночь проводили без плача и в совершении магических манипуляций. После предварительного обмывания покойного (ба оби маҳрам гирифтан) на него надевали чистую одежду и укладывали на пол лицом в сторону "қиблы" — запада. В некоторых местах Гиссарского района (к. Тошбулак, Джиргинак) тщательно закрывали окна и двери, опускали шторы, занавески, рядом с умершим клали его посох (асо)²³ как магический оберег от нечистых сил — от наущения шайтана, дэва, джина и др., а сами близкие и родственники сидели рядом в соседней комнате, рассказывали о его жизни, хороших поступках, которые сопровождалось чтением религиозных книг, в которых говорилось о существовании потустороннего мира, об аде и рае и т.п. Но во многих местах (Самарканд, Бухара, Пенджикент, Каратаг) самые близкие и родственники непосредственно сидели вокруг умершего, чтобы защитить его от ангела-опрашивателя, от духов-демонов и других нечистых сил, чтобы они не оскверняли и не украли его веру.

Оставляли "в гостях" как женщину, так и мужчину, независимо от возраста. Это происходило в следующих случаях: 1. Когда человек скончался поздно вечером и его не успели похоронить до захода солнца; 2. Когда неожиданно умер человек и его семья не была готова сразу же похоронить его; 3. Когда ждали приезда самого близкого человека, присутствие которого считали необходимым на похоронах; 4. По завещанию самого умершего.

В "гостевую" ночь обычно резали барана (в средней части долины Зеравшана, Самарканд, Ургут, Пенджикент) и варили еду, в северных

районах — плов, а в южных резали бычка и варили мясной суп "шурбо". Эти кушания в Северных районах называли "оши сиёх" — "черная еда", а в Южных — "оши сари тахта" — "угощение у тахта". В эту ночь собирались родные, близкие и соседи в доме покойного. Им подавали "траурную еду". Многие ее не ели досыта, больные, роженицы, молодухи и новобрачные даже не дотрагивались до траурной пищи, чтобы не повредить себе. Старшие люди только лишь пробовали из уважения к покойному и его живым родственникам (барои иззати мурдаву хурмати зиндаҳо).

В эту ночь покойного не оставляли одного (мурдая танҳо намемо — нанд). Как упоминали выше, собравшиеся женщины окружали тело покойной, переодетой в чистую одежду, и пели ей "последнюю колебательную песню" (аллаи охират мегуфтанд). Эту песню пели только женщины под руководством организаторши похоронного обряда плакальщицы — "гуянда". Последней часто была по-старому грамотная женщина "бибиотун", "бе-халфа", "бийихалифа", "бибихалфа", знающая траурные обрядовые песни. В Обигарме и Нижнем Каратегине их называли "кушовоз", "кушовозхон" (поющие дуэтом вдвоем), "ойимхо" — в Каратегине, Гиссаре.

В городах средней и нижней части долины Зеравшана (Самарканд, Нурата, Гиждуван, Бухара) текст "колыбельной" брали из старых религиозных книг "Арвоҳнома" — "Сказания о духах предков", а также из творчества таджикско-персидских средневековых поэтов в жанре так называемых муноджот²⁴ (муноҷот — от арабского "наҷот" — "звать на помощь"); "наът" (арабское воспевание жизни и приключений святых и пророков), "газел" (ғазал) и т.д. У ирани, проживающих в Бухарской области, в гостевую ночь умершего обычно, "бибиотуны" причитали из религиозных книг "Машқабат", "Ашурй", "Барисина", которые были посвящены мученической смерти шиитских имамов в Дашти Карбало, где были убиты имамы Хасан и Хусейн (внуки пропока Мухаммада — сыновья халифа Али), "Қосими навдомод" (только что женившийся Касым) и др.

В Гиссарской долине в горных селениях Каратаге, Лаби Джаре, Чиртаке, в Нижнем Каратегине в эту ночь часто пели песни из цикла так называемого "наът", "фалакиёт" — ("рок судьбы"), "ҳайдарег", "нола",²⁵ включающего в себя произведения религиозного фольклора жалобного содержания. "Убаюкивание" покойного продолжалось до самого рассвета.

Основные куплеты "колыбельной" — "байт", "банд" плакальщица исполняла громким, протяжным монотонным голосом, а припев — "наҳарот" — хором пели все участницы обряда. В припеве повторялось одно и то же: "Аллаё, аллае, хобашон барад аллае, роҳат кунан аллаё..." — "Баю-бай, баю-бай, спите крепко — баю-бай, отдохните спокойно — баю-бай..."²⁶.

Цель убаюкивания сводилась к тому, чтобы не дать ангелам-допрашивателям возможность преждевременно допросить покойного, а духов-демонов обмануть этим и "показать", что данный человек еще не умер, а только лишь спит. Смысл убаюкивания покойного заключался в том, чтобы имитировать первое убаюкивание матери после его рождения для потустороннего сна. Таким образом, первую колыбельную покойный слышал от своей матери, а последнюю — от своих родственниц-женщин, при этом если первая колыбельная утверждала появление человека на свет, то вторая — провожала его уже в другой, потусторонний мир.

В других районах, например, в Гиссаре (к. Тошбулак и Джиргинак) не пели колыбельную песню, но на покойного клали комки сухой земли

(кулӯх, қурум). Это служило символом того, что тело покойного уже отдано матери-земле. В к.Туда (Гиссар) и в к. Зирабад неподалеку от станции Каган у ирани на живот покойного клали кусок соли (намаки ши) а в Шугнана — кусок железа.²⁷ Цель подобных магико-анимистических манипуляций — оберечь умершего от нападения злых духов.

При пении колыбельной песни в "гостевой ночи" очень берегли покойного от влияния различных животных. Из дома (из комнаты), где лежало тело покойного, выгоняли кошку. Собаку привязывали на цепь в самом дальнем и скрытом уголке двора, а скот (особенно бычка, козла) загоняли в хлев. Всю ночь не тушили свет. Религиозные люди верили, что в образе кошки, а также бычка и козла могут воплотиться духи-демоны — джинн, дэв, албасти и шайтан.²⁸ По представлению верующих, духи-демоны могли воплощаться и в образы любых вредоносных насекомых. Поэтому заранее тщательно убирали и подметали комнату, запирали двери и окна, где должен был "гоститься" покойный. С этой целью в качестве оберега клали над головой умершего священную книгу Коран и другие религиозные книги. В ряде кишлаков Горной Ханаки Гиссара рядом с покойным клали его посох, чтобы он охранял тело, а потом сопутствовал ему в потустороннем мире.

В доме покойного соблюдали много других суеверных запретов.²⁹

Таджики верили в то, что смерть человека — это лишь глубокий сон. Поэтому они в своих причитаниях, обращаясь к нему, громко звали его по имени, говорили о своей печали и разлуке. Как женщины, так и мужчины оплакивали покойного и при этом обращались: "О, дитя мое, о родной, о, друг! Открой глаза, посмотри вокруг, все пришли к тебе. На кого ты оставил нас?". При оплакивании покойника — "нола кардан" близкие и родные прикасались к его вещам, брали их в руки, кидали на плечо, как чалму завязывали вокруг головы — "салла мекарданд", подносили к лицу, нюхали, целовали, плакали и сожалели о безвременной кончине умершего.

Наряжение умерших молодых невест — "арӯс кардан"

После смерти засватанной девушки или молодой замужней женщины ее предварительно обмывали и надевали на нее новую свадебную одежду, наряжали как живую невесту — "арӯс мекарданд". После этого ее тело укладывали на "тахт", говоря "ба муродаш расад" — "пусть исполнится ее желание". На голову надевали новую тюбетейку, повязывали платок — "румоли заргаронӣ". Во всех исследуемых районах на невесту надевали шаровары и платье "куртаю эзор". Считалось, что в противном случае злые духи, во главе с шайтаном, могут сблизиться с покойной и сделать ее нечистой — "ҳаром мекуанд". Все предметы украшений надевали на покойницу. По народным верованиям, они якобы также имели охранительно-оберегательное значение. В к. Пилдон около умершей девушки раскладывали все ее украшения и нарядные платья. А в к. Ёгид умершей молодой женщине на шею надевали ожерелье, вдевали в уши серьги. На одном обряженном покойнике в к. Ёгид были часы и тюбетейка, носимые им при жизни.³⁰ В ряде поселков и кишлаков Файзабада (Сурхдара, Қанғили, Дубеда), Гиссара (Ҷиргинак, Тошбулак) за уши умершего весной втыкали цветы подснежника — "гули зардак", "бойче чак", "гули тағорашикан", "гули саягуш", в Самарканде — мяту — "наъно",

"райхон". Эти цветы назывались "гули охират" — "загробные цветы".

Очень интересный обряд — украшение ложа смерти "тахти марг" — обнаружен среди ирани в Зирабаде, Бухарской области. Там в прошлом для умершей молодухи посредине комнаты стелили высокое ложе из стеганых одеял — "тахт". Наряжали покойницу, надевали золотошвейную тюбетейку, сверху завязывали платок — "пешонабанд", подрезали локонь — "зулф" и завивали их, как у настоящей невесты, лицо слегка мазали кремом и пудрили так, чтобы оно розовело — "буяшба сурхию сафедӣ мемолиданд", чистили (подравнивали) ее брови — "абрувонашро мечиданд". Весь процесс наряднения покойной назывался "ородиҳии маит" или "зебдиҳии мурда" — украшение умершей. После обмывания и похорон некоторые наряды и украшения умершей раздавали обмывальщикам, могильщику и некоторым близким на память. Про девушку, умершую до замужества и не видевшую "тахти бахт" — "трона счастья", с сожалением говорили, что бедняжка не смогла увидеть жизнь, умерла с неисполненным желанием, "не видела счастья, не видела желанной радости" — "пурормой рафт" "бечора баҳасрат рафт". Среди таджиков до сих пор остались древние формы проклятия, связанные с данным моментом траурного обычая. Обиженные на молодых, пожилые файзабадские люди в порыве гнева произносили: "Илоина тахтута чаппа бѣзанум" — "Дай бог, чтобы я убирала твой трон наизнанку". Это проклятие употреблялось в отношении озорных, еще не женившихся парней и девушек. В Гиссаре говорили: "Илоҳина тахту бахта набинӣ" — "Чтобы ты не видела свадебного трона", в Бухаре говорили: "Илоҳим лабат шарбату пуштат тахта набинанд" — "О боже, чтобы твои губы не прикасались к шарбату (сладкому напитку, выпиваемому молодоженами за свадебной занавеской), а спина — к свадебному трону. В Зеравшанской долине человека, достигшего при жизни успеха и счастья, но при этом зазнавшегося и обижающего людей, проклинали словами: "Уе, тахту бахтат аз сарат монад!" — "Чтобы твой свадебный трон остался без тебя". В Самарканде говорили: "Илоҳӣ, тахту бахта набинӣ!" — "Чтобы ты не видел свадебного трона и счастья!" или "Тахту бахтат ҳамин шавад!" — "Чтобы этот трон радости у тебя был последним!", "Тахту бахтат чаппа гардад!" — "Чтобы твой трон счастья перевернулся наизнанку (стал похоронным)". Такие проклятия в той или иной форме бытовали среди всех таджиков, проживавших как в Таджикистане, так и за его пределами, и означали пожелания смерти.

В случае смерти холостого юноши родители и родственники старались исполнить его мечты и желания, не осуществленные при жизни. В таких случаях в ряде южных и северных районов Таджикистана: в Файзабаде, Варзобе, Гиссаре, Ромите, а также в Бухаре, Самарканде, Пенджикенте, Ходженте, Исфаре, приготовив тахт-ложе, надевали самые нарядные свадебные одежды на тело покойного. Накладывали традиционный новенький халат — "чапон", "чома", вывернув его наизнанку. Так же наизнанку верхнюю одежду одевали самые близкие умершего в день похорон, во время оплакивания покойного. На голову умершего повязывали новую чалму "салла", конец — фаш которой свисал с правой стороны лица, в то время как у живых обычно он висит слева. На висках и за ушами покойного укрепляли желтые цветы: "бойчечак", "гули зард" и базилику "райхон".

В Файзабаде, Ромите, Горной Ханаке и Гиссаре этот обряд называется "шаҳ кардан", "шаҳ сохтан", а в Самарканде — "домод кардан", т. е. "обряжение жениха". Остальные вещи покойного накладывали на его коня,

оставшегося без хозяина — "аспи зормондаи шах". Часто его одежду надевали на себя наизнанку родные и самые близкие покойного. Этот обычай означал, что жизнь молодого человека временно пересечена судьбою и переходит из одного состояния в другое, т.е. человек уходит из мира живых в мир мертвых — "ҷавон аз дорулбаҳо ба дорулфано рафт".

Обряд устройства трона-тахт бытовал среди арабов Кагана г. Бухары (Арабхона, Гашкаш). Информаторы рассказывали об одном интересном захоронении молодого жениха, погибшего на войне. Получив известие о смерти, его родители организовали похоронный обряд без трупа. Символ — тело покойного — было сделано из подушки, имеющий вид валика (лӯлаболишт). Длинную подушку нарядили подобно жениху: надели на него белую рубашку и штаны (курта эзори сафед), повязывали "голову" новой чалмой, надели новый свадебный халат — "ҷомаи беқасами домодӣ", которые еще раньше были приготовлены для его будущей свадьбы.³¹

Обычай имитации облика покойного был распространен во многих районах Таджикистана. Например, по сообщению этнографа И. Мухиддинова, в к. Туткаул (Нурек) в том месте, где утонул человек, на берегу совершали панихиду (ҷаноза) и ставили шест из палки с прикрепленным белым материалом, напоминающим белое знамя. Подобие его облика сооружали из тюфяка (курпача), подушки (лӯла-болишт), заворачивая их в: виде валика, клали, в постель и вокруг него совершали полагающиеся обряды: причитали, оплакивали и читали молитвы.

Подобный обычай существовал и среди киргизов, проживающих в горах и предгорьях около Касада рядом с таджиками. Подобный обычай совершали при смерти мужчины, в особенности если он являлся главой семьи. "В доме или юрте умершего отгораживается занавеской уголок, где на вертикально поставленную подушку надевают халат покойника, сверху кладут приготовленную для надевания чалму. Это подобие куклы и должно представлять умершего, продолжающего находиться среди своих в ожидании поминок".³²

Арабы Бухары наряженного жениха помещали рядом с живой его невестой на застеленное свадебное ложе "тахт". Организаторы сначала имитировали свадебный обряд, жениха и невесту укладывали "спать на свадебный трон" — "тахти бахт". Все участники были одеты в праздничные одежды, а потом свадебный обряд превращали в траур — "туй ба азо гашт" (свадьба превратилась в похороны). Покойного "жениха" перекладывали со свадебного трона на трон смерти — "домода аз тахти бахт ба тахти марг гузоштанд". Тут же близкие жениха и невесты свои свадебные одежды заменяли траурными. Они оплакивали умершего, исполняли ритуальный танец "садру самаъ мекарданд". Символическое тело покойного похоронили как настоящее.³³

По сообщению известной народной лекарки Бахриевой Мукадамы (1895 г. рождения из к. Кульбаи Поён, Самаркандского района) в случае, если труп неженатого юноши был найден без головы (танаи бесар), его потерявшуюся голову заменяли тыквой-горляной, из которой изготавливают сосуды (ҷўбкаду), на "тыкву-голову" (саркаду) завязывали чалму, лицо накрывали белым платком, а потом над ним совершали соответствующие обряды.

Аналогичный обряд приготовления куклы из одежды покойного, иногда с применением палок и камней, впервые был обнаружен в к. Ёгид (южный Таджикистан) А.К.Писарчик. Куклу приготовили с воспроизведением

всех членов тела умершего — рук, ног, головы, туловища. "Оплакивание — "хайдарег" с танцами совершается вокруг этой куклы, около которой на постели — "тахт" раскладывают все одежды покойного".³⁴

Оформление похоронных носилок людей, умерших в молодости

Оформление похоронных носилок умерших молодыми "чавонмаргон", "чавонмурдахо" встречается почти во всех изучаемых нами районах. В Самарканде носилки молодой женщины или засватанной девушки обтягивали специально вышитым, подобно сузани, материалом — "зеби тахмон". Носилки женщины, умершей в среднем возрасте, обтягивали зеленым или красным бархатом и сверху накрывали на них новую паранджу. Люди, интересовавшиеся возрастом умерших, определяли его по этим вещам, а пол — накинута ли сверху паранджа (для женщин) или халат (для муж — чин).

В Бухаре обтягивали носилки красным сатином — "сатини сурх". На тело умершего накрывали вышитое сузани или материю из красного бархата. В Зеравшане ручки носилок порою украшали цветами. На носилки жениха или неженатого парня накрывали новый свадебный халат — "чо-май бекасам". Подобные обычаи бытовали в Ходженте, Исфаре, Ура-Тюбе, Пенджикенте, Гиссаре, Нурате и др.

Перед выносом носилки с телом устанавливали посредине двора. Близкие и родные прощались с покойным, горько оплакивая вечную разлуку. Особенно мать молодого сильно горевала по поводу безвременной кончины своего сына. Она готова была умереть за него и просила вместо сына похоронить ее. В причитаниях матери носилки уподоблялись коню покойного. В к.Гумбулок, Файзабадского района записаны фрагменты подобного причитания:

"Аспата зин карда овардан, бачам, во бачам,
Хе, сувор шав бачам, во бачам, во бачам.
Сувор шуда кучо мерй? Во бачам, во бачам.
Бо чои ту ман равам, во бачам, во бачам..."

Перевод:

"Оседланного твоего коня привели, о, сын мой, о, сын.
Вставай, поезжай, сын мой, о, сын мой.
Куда же ты удержишь путь, о, сын мой?
Вместо тебя мне бы поехать, о, сын, мой, о, сын..."

Особенно горько и болезненно оплакивали смерть засватанной девушки, при этом распускали волосы, разрывали ворот на груди — "гиребон пора кардан", "гиребон дарондан", "гиребон чок мекард". Подобный обычай бытовал в Язгулеме.³⁵ Плач и горе усиливались, когда не оказывалось возле покойной отца, дяди, братьев и сестер. В Файзабаде и Нижнем Каратегине все это отражалось в причитаниях матери покойной, хотя оно запрещалось мусульманским духовенством³⁶, молодую неопытную мать окружали более пожилые женщины и говорили ей: "Вставай, крепко поя-

зывает свой пояс и оплакивает "свадьбу" своей дочери — "Бъхе, миёну-та махкам бѣбанд, дар "туи" духтарут нола бѣкуи". Как говорилось выше, мать, сестры и близкие покойной одна за другой брали в руки вещи и одежду умершей, приданое к свадьбе — "џѣз", подносили к лицу, к глазам, ко лбу, нюхали и причитали:

"Тобути кихай, ки меравад чарху занон?
Тобути аруси нодида џихон.
Товута гирен, барен ба шаҳри падаруш,
Аз хона буроя хоҳари беҳабаруш
Аз хона бурмад доду бедодӣ кард,
Зад куртара чоку нолаву зорӣ кард".

Перевод:

"Чьи это носилки, которые несут, кружа над головой?
— Это гроб невесты, не выдавшей радости мира.
Поднимите носилки, несите ее в город отца,
Чтобы, из дома выходя, увидела неоповещенная сестра.
Выходя из дома, горько оплакивала она,
Разрывая ворот платья на груди, громко плакала она".

Такие трагические сцены многократно увеличивали горе близких и родных. В Самарканде близкие умершего в день похорон, а также на последующих поминках накидывали на себя одежду умершего или повязывали подобно чалме "салла" на голову отрезы нового материала. Они, заходя в круг "давра", исполняли похоронный магический танец — "самаву садир". "Саллу" берегли до года. При смерти родственников и односельчан они, снова надев "саллу", прикалывали к ней фотографию молодого покойного — "сурати џавони мурдагӣ", участвовали в похоронных танцах, оплакивали умершего, при этом упоминали и своего покойника.

Принести фотографию покойного юноши вместе с его личными вещами, по поминальным обрядам, с точки зрения мусульманской обрядности не разрешалось. Это — новое явление похоронно-поминальных обрядов таджиков, которое вошло в систему их обычаев в последние два десятилетия.

В Гиссарском районе (Шахринав) женщина, потерявшая свою младшую дочь, приходя на похороны пожилого соседа, приносила с собой тубетейку и портрет умершей дочери. Она, положив их на тело покойного, в своих причитаниях просила передать привет дочке от матери. Передача приветов живых рано умершим покойникам через нового покойного наблюдается почти у всех таджиков.

После прощания матери и родных с покойным, прощались его близкие и друзья. Они вслух произносили: "Дидорхо дар қиёмат!" — "Увидимся на том свете!" Существовало поверье о том, что покойные встречаются друг с другом на том свете и ведут там совместную жизнь.

"Гахвораи ноз" у таджиков является древним погребальным обрядом, который до сих пор существует в быту³⁷. "Гахвораи ноз" означает специфическое украшение похоронных носилок различными цветами и ветвями ивы. Их украшали в случае смерти молодого юноши и девушки или же весьма пожилых людей. Первые считались дюдьми, невидевшими радостей жизни, с неисполненными желаниями — "боормону бохасрат", в вторые — благословенными, почитаемыми — "табаррук". Мы наблюдали эти обряды и обычаи в Орджоникидзебаде, Файзабаде, Гиссаре, Ура-Тюбе, Ургуте, Самарканде и др. В знак уважения к молодым и пожилым покойникам над их носилками укрепляли сплетенный из зеленых прутьев дерева ивы "чамбар" полукруглой формы, а сверху накрывали личной одеждой умершего как бы отправившегося в далекое путешествие.

Носилки, украшенные дугообразными ветками ивы, в 1985 году наблюдались О. Муродовым в к. Шохрн Гиссара при похоронах одной молодухи, которая умерла при родах "аруси сари фарзанд рафтагй". После похорон покойной "амбарй", "чамбар" был снят с похоронных носилок и положен на могиле с восточной стороны, а западная часть осталось открытой. Такой способ закрывания называли "пушидани сатри аврат" — "прикрывание стыда женщины".

В Файзабаде (к. Дубеда, сообщение Назарова Шокира 1963 г. рождения) при оформлении носилок умершей женщины, иногда и пожилого мужчины, кроме ветвей ивы также употребляли тутовые и гранатовые прутья, взятые из сада самого покойного, для "гахвора", "амбарй". После захоронения тела мужчины на могильном холме "амбарй" разбирали и ветви втыкали в разломанном виде. На могильном холме женщины "амбарй" клали целиком, считая его своеобразным "покрывалом" для "прикрывания" стыда женщины. Такое устройство похоронных носилок в Нижнем Каратегине и Файзабаде называлось "арова",³⁸ в Гиссарской и Зеравшанской долинах — "амбарй",³⁹ а в Ура-Тюбе — "сарроча".⁴⁰ Древний обычай "гахвораи ноз" бытовал в Ванче и Дарвазе.⁴¹

Подобно носилкам "гахвораи ноз" в Гиссаре украшали и носилки умерших несовершеннолетних детей старше трех лет, которые также назывались "саррочо". И вокруг них исполняли соответствующие похоронные танцы.

Иногда "гахвораи ноз" сооружали и для глубокоуважаемых почетных пожилых покойников, как для стариков, так и для старух. Приготовленные таким образом носилки считались богоугодными, в их изготовлении участвовали знающие и опытные мужчины. Они старались в короткий срок приготовить "гахвораи ноз", чтобы не заставить долго ждать покойного. Сооружение и украшение "гахвораи ноз" нам пришлось наблюдать в 1970 году в Шахринаве (Гиссар). Его соорудили для 80-летнего почтенного старика. На носилки постелили новую циновку и одеяло, а под голову положили подушку "болишт" наоборот, т.е. подкладкой вверх, "чаппа". Тело пожилых покойников, подобно молодым, накрывали сузани, а носилки обтягивали белой бязью. Сверху сузани клали несколько кусков материала, принесенного близкими и родными умершего, так называемого "хадья мурда" — "подарок покойнику". Надо отметить, что куски материи, доставшиеся им от похоронных носилок несовершеннолетних и молодых покойных, люди брали неохотно. Во время распределения они, хотя и не отказыва —

лись от них из уважения к умершему, однако относились к ним с опаской. Некоторые суеверные люди такой кусок материала не несли домой, а бросали тайком на кладбище или на пути, в сторонке от дороги, оставляли на мазарах. Поэтому материю не разделяя ее на куски, в последнее время целиком стали отдавать могильщикам, обмывальщикам или же в мечеть для общего пользования.

Все то, что давалось во время похорон пожилых, особенно ишанов, саидов, ходжей и т.п., считалось благодатным — "табаррук", а порою, не дождавшись разделения материи — "йиртиш", люди по дороге на кладбище с нетерпением старались достать хотя бы кусочек материи из носилок пожилого, чтобы достичь его возраста. Белую бязь, обтянутую вокруг носилок пожилого умершего, обычно делили на кладбище после похорон. Часто в таких случаях, не дождавшись разделения материи по очереди, люди накидывались и брали ее нарасхват — "талаш мекарданд" "Талашак" иногда доходил до группового столкновения, когда смельчаки испытывали свою силу. Самому сильному доставался целый кусок материи, и он, по просьбе присутствующих, делил его по своему усмотрению. Раздаваемый кусок материи в горных и южных районах назывался "тоқивор", т.е. величиной в одну тюбетейку, в северных районах — "йиртиш". 42

Подобная борьба за разделение материи напоминает один из свадебных обрядов — "пойандозкаш". "Пойандоз" (букв. — "дорожка") стелилась под ноги жениха при входе в комнату к невесте. "Пойандоз" стелили прямо у порога двери после проведения жениха его друзьями к невесте под занавес "чимилик". Присутствующие набрасывались на "пойандоз" и старались овладеть им. "Пойандоз" часто доставался самому сильному, иногда рвался на куски, делился между участниками обряда с той целью, чтобы они также дожили до своей свадьбы. Куски брали на счастье.

Первоначальное назначение укрывания и украшения похоронных носилок покойного природными и искусственными предметами заключалась в том, чтобы защищать покойника от природных явлений: летом — от жары, пыли, а зимой — от холода, ветра, дождя и т.д. В то же время это связывалось с пожеланием покойного, чтобы он "не стыдился" — "мурда шарм надорад". История укрывания носилок с гробом покойного разными дорогими материалами является не очень древней. Во всяком случае, она свое начало берет из развитого феодального общества, связана с началом производства дорогих тканей и приготовлением богатых костюмов. Этот новый момент постепенно входил в обычай народа и стал одним из элементов погребально-похоронной культуры таджиков, выражал религиозно-эстетические потребности людей.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что в похоронных и свадебных обрядах — "йиртишталаш" — на кладбище и "пойандозкаш" — на свадьбе, кроются следы очень древних поверий и обрядов, связанных с изменением жизни человека, продолжением ее в другом потустороннем мире.

Почитание земли

Таджики почитали землю, считали ее священной. Согласно религиозным легендам, человек был создан богом из праха земли и после смерти превращался в прах. Могила считалась для покойного вечным до-

мом на том свете — "хонаи охират". Поэтому все: как могильщики, так и участники похоронной процессии — с большим уважением относились к новой могиле. Прежде чем копать могилу, могильщики читали молитву и обращались к земле с просьбой, чтобы она разрешила им строить "вечный дом" для умершего. Могильщики старались выкопать могилу широкой, просторной и удобной для покойного, в соответствии с его ростом. Считалось, что у безгрешного человека могила копается легко и быстро, а у грешника — долго и с трудом. Поэтому близкие и родственники покойного, будучи на кладбище, в первую очередь интересуются успешным копанием могилы.

Друзья и близкие покойного, узнав у могильщиков о мягкости земли и легко вырытой могиле, говорили: "Он сам был человеком хорошим и добрым, подобно цветку, безвредным" — "Худаш одами хуб ва гул барин беозор буд".

Таджики верили, что хорошего человека могила принимает как гостя — "меҳмон" в свои объятия — "гӯр меҳмон барин дар оғӯш мегирад". При этом земля считалась как бы привлекательной невестой умершего. По исследованиям этнографа Зиннат Юсуфбековой, в к. Поршнево (Горнобад-шанская автономная область Тадж.ССР) оставшуюся воду от мытья покойного несут на кладбище и выливают на могильный холм после сооружения могилы. Полагали, что эта вода венчает покойника с землей наподобие венчальной воды для бракосочетания, с которой венчали жениха с невестой — "оби нико".⁴³

В Гиссаре, обращаясь к покойному, говорили: "Хоб кун мисли наварӯсони чаман" — "Спи подобно молодоженам цветника". Подобные представления о священности земли и взаимоотношении ее с покойником имелись у таджиков Ферганы и Андижана Уз.ССР.

В отношении земли существовало и другое представление: считалось, что земля — самый справедливый судья в отношении грехов, она якобы не принимала тело грешников и людей злых и несправедливых. Поэтому раньше ангелов-допрашивателей Мункара и Накира умершего человека, не дожидаясь дня страшного суда, наказывает сама земля в зависимости от его грехов, совершенных при жизни.

Признаки наказания землей грешников проявляется в нескольких вариантах. Самым жестким наказанием является выбрасывание землей тела человека — грешника из могилы наружу. В таких случаях говорили: "гӯр буроварда партофт", "гӯр фрид", "гӯр қабул накард", — "могила не приняла", "могила выбросила". Поэтому близкие родственники покойного три дня подряд (по утрам) навешали могилу. В случае "выбрасывания" могилы тела наружу в Гиссарской долине навешавшие хоронили тело заново. При этом могилу забрасывали дерном, камнями и жердями. При повторении случая родственники тайно хоронили тело вдаль от кладбища в обрывах, холмах или же бросали в реку. Подобное представление зафиксировано также в Зеравшанской и Ферганской долинах.

Второй признак наказания землей грешника якобы заключался в том, что "горит его могила" — "гӯраш сӯхт". Бытует несколько вариантов поговорок и пословиц — формы проклятия, указывающие на данное обстоятельство. Когда человек на кого-то сильно обижался, в порыве гнева резко проклинал обидчика: "Ҳа, гӯрат сӯзад", "илоҳим, гӯрат дар гирад", "гӯрсӯхта" — "Да чтобы сгорела твоя могила".

Признаки наказания земли проявляются в ее твердости и каменности, трудности рытья могилы; при опускании тела и помещении его во

внутренней камере — "хонаи дарун", "лахад", она оказывается тесной, что мешает свободному расположению покойного. О таких покойниках говорят: "гӯраш тангӣ кард".

В средней части долины Зеравшана во время укладывания покойного в могилу каждый из участников похорон берет горсть земли, читая молитву, дует на нее, дает специальному человеку, который собрав ее в поясной платке, передает доверенному человеку, ответственному за укладывание покойного в могилу — "лахад". Последний, засыпая землю — "хоки дуо" под голову и по бокам умершего, воздвигает последнюю постель с подушкой, которую называли "болишти охират". При этом в Гиссарской долине особо почитали первую лопату земли — "чим", специально сохраненную могильщиками при рытье могилы. Этой же землей, которая называлась "последней сурьмой" — "сурмаи охират", 44 немного мазали глаза покойного.

Суеверия, связанные с воображаемым вредом покойника

Таджики обычно никогда дурно не отзывались о покойнике, особенно при похоронах люди старались всячески хвалить его хорошие поступки. По поверьям, после отхода людей на семь шагов от могилы появлялись ангелы на допрос и поэтому, отходя на это расстояние, они громко свидетельствовали перед воображаемыми ангелами-опрашивателями (Мункару Накир) о его добрых делах, поступках.

Однако народ все-таки не прощал дурных поступков. Люди при случае вспоминали о них и говорили об этом в открытую. О людях, которые были очень жадными и скупыми при жизни, выражали предположение, что теперь, в могиле, при обсыпании глаз землей, они насытятся: "Аз дунье сер нашуда рафти, чашмата хоки лаҳат сер кунад" — "Ты был ненасытным человеком на мирское добро, пусть теперь насытятся твои глаза землей могилы". Такие покойники якобы злятся на живых и поворачивают свое лицо не к западу — "қибла" а в сторону похоронивших его людей. Среди народа бытовало представление о том, что именно такие люди от злости втягивают саван в рот⁴⁵, чтобы потянуть за собой живых людей. В таких случаях говорили: "мурда кафан кашидас", в Самарканде: "кафанаша ялма кард", в Бухаре: "кафанаша хойдас". В средней части долины Зеравшана, если после смерти человека умирали члены семьи, считалось, что первый умерший "потянул саван в рот". Чтобы покойный не вредил живым людям, некоторые родственники втайне от родителей разрывали могилу, осматривали тело и отодвигали саван подальше от его рта.

Такое суеверие было очень распространено и среди таджиков в Нижнем Каратегине, Файзабаде и Гиссаре. В таких случаях разрывали могилу покойного, подозреваемого в смерти других членов его семьи или жителей села, отодвигали саван от его рта, разбивали ему зубы, чтобы он не смог повторно втянуть саван в рот. В Гиссаре (кк. Тошбулак и Джиргинак) существовало поверье о том, что при перекрещивании ног покойного в могиле, он также может тянуть за собой сородичей. При этом также разрывали могилу, разъединяли и выпрямляли ноги умершего между ними вбивали деревянный кол. В к. Ёгид Калаихумбского района клали покойнику в рот камешек; в особо "тяжелых" случаях покойника даже

вынимали из могилы и выбрасывали в воду; в к. Яхч Комсомолабадского района, разрыв могилу, разбивали мотыгой череп покойника "каполи сар" и могилу опять закапывали.⁴⁶

Выше говорилось, что земля является справедливым судьей в отношении приема тела добрых и злых людей, для первых она якобы превращается в пух и овадебную постель, а для вторых — в темницу. Верили, что после того, как участники похорон отойдут от могилы на семь шагов, она сильно давит на тело грешного покойника так, что от боли он будет кричать голосом какого-нибудь животного, иногда голосом замученного голодом быка или коровы — "Мурда гов барин аррас мезада". Крик покойника якобы слышен только животным, а люди не слышат его.

Во всех районах принимали меры для кормления, успокоения и доставления удовольствия духу покойного, чтобы он не смог повредить другим: с этой целью варили ритуально-поминальную пищу из муки, риса, маша, гороха и др. Готовили специальное блюдо, так называемое: "мо-шу биринч", "оши туппа". Это кушанье называлось "арвохш" или "оши арвох". Приготовленную пищу несли на могилу и клали в новую глиняную чашку с новой деревянной ложкой и оставляли на могиле того, кого подозревали в причинении вреда, говорили: "Ма, хурда сер шаву дигароба кордор нашав" — "На, ешь досыта и не трогай других". Когда болезнь и другие недуги жизни человека приписывались вреду неизвестным, чужим арвахам, долгие годы оставшимся голодными и без внимания сородичей,⁴⁷ тогда жертвенную пищу приносили им на кладбище в поломанной глиняной чашке, старой миске, стеклянной банке или в банке, осво-бодившейся из-под консервов. Таких духов обычно называли "симиёни мурда" изгоняли их, совершив над больными обряд "кайтарма" ("рад гардон"), "кучурма" ("бахшибони"), "симиёнгардон" и т.д.

Для изгнания злого духа умершего человека — "симиёни мурда", брали у шамана или муллы специальную бумагу с написанной молитвой — амулет "симиён тумор", которую больной носил с собой.⁴⁸ Так поступал тот человек, которому постоянно снился покойник.

Посещение кладбища

Кладбище⁴⁹ считалось более святым и легким местом, чем мечеть. Если путнику приходилось заночевать, он ночевал на кладбище, а не в мечети.

Спать на кладбище хотя и считалось дозволенным, однако не было общепринятым. Путникам и другим прохожим очень редко приходилось делать это и то с большой опаской.

Вообще запрещали заход нечистых людей, животных и принесение на кладбище нечистых предметов и продуктов, чтобы не осквернить могилы и духов-арвохов. Раньше на женщину смотрели как на существо, появившееся из семени сатаны — "зан — тухми шайтон". Женщин считали ритуально нечистыми. Особенно на женские шаровары смотрели как на поганую одежду. Женщины как бы ни совершали омовение и ни очищали себя, все равно теряли свою ритуальную чистоту. Поэтому муллы строго запрещали женщинам сопровождать покойного в день похорон. В северных районах, в долине Зеравшана, им разрешали посещать могилу только лишь на третий день. Во многих южных горных районах женщинам вообще официально не разрешалось посещать кладбище. Лишь в исключительно ред-

ких случаях женщины приходили на кладбище.⁵⁰ В Файзабадском районе строго запрещали посещать кладбище женщинам-матерям. Считалось, что их умерший ребенок от уважения к пришедшей матери якобы старается подняться, говоря: "Вах, оцаи чавридидам омад-э" — "Ах, пришла моя многострадальная мать".⁵¹ Однако, не сумев выпрямиться, он остается с согнутой спиной — "чоргов" — на четвереньках и в таком положении будет находиться до дня страшного суда — "то қиёмат". Поэтому женщины многие обряды, связанные со смертью и похоронами, исполняли дома.

В северных районах: в Самарканде, Бухаре, Ходженте и Пенджикенте женщины посещали могилу после похорон, по разным необходимым случаям (при "вещих" сновидениях, болезнях, по советам шаманов и мулл и религиозным праздникам).

После смерти человека на рассвете каждого утра (до трех дней) родные и близкие громко оплакивали, произнося его имя, потом ходили на могилу. Звать умершего по имени является древним обычаем, который наблюдается у многих народов.⁵² У таджиков средней части долины Зеравшана могилу посещали три дня по утрам только мужчины, а в Ходженте и Сарыасиё Уз.ССР ее посещали мужчины, потом женщины; в Файзабаде, Гиссаре, Самарканде и Бухаре на кладбище в первые дни после похорон по утрам ходили только мужчины, а женщины — после трех дней и строго по религиозным праздникам. При входе на кладбище как женщины, так и мужчины во всех районах приветствовали покойных. Нами было записано много вариантов подобного рода приветствий. Они короткие, четкие и по смыслу очень близки друг другу. Приведем один из вариантов приветствия, записанного в к.Кульбаи Поён Самаркандского района: "Ассалому алайкум, ахли кубур! Мардона бошетон! Хамаро ҳамин роҳ. Қиёмат наздик аст..." — "Здравствуйте покойные! Будьте мужественны! Всех ждет одна такая дорога, скоро воскресение!" После приветствия пришедшие садились возле могилы покойного, читали суру из Корана и посвящали ему благодать "савобаша мебахшанд. Потом поздравляли покойного с вечным новым домом: "Хонаи охират муборақ шавад! Дар хонаи нав бароҳат бош, ором хоб кун!" — "Поздравляю с вечным помещением! В новом доме спи спокойно, отдыха и блаженства тебе!" Подобная поздравительная формула произносилась и позже после похорон.

В некоторых районах средней части Зеравшана и Сарыасиё по мусульманским праздникам — месяц Раджаб (считавшийся праздником умерших — иди мурдаҳо) и наступлением Нового года — Соли нав "Навруз", родня идет на кладбище поздравлять своих покойников с праздником до года. А в некоторых местах, например, у бухарских ирани, такое поздравление продолжалось в течении ряда лет. При этом, подходя к могиле и обращаясь к покойному, говорили: "Идатон муборақ, ҳама табиат сар бардошт. Шумо ҳам сар бардоред..." — "С праздником поздравляю Вас, вся природа оживилась, Вы также проснитесь, поднимите голову".

На кладбище ходили группой. Каждая группа имела свой дастархан. В дастархан брали из дома ритуальную пищу — жареные тонкие лепешки чалпак, лепешки слоенные, домашние пирожки с начинкой из съедобных трав, тыквы, маха и гороха, картошки и мяса. Некоторые несли также плов "талқан" (талкон — мука жареная в масле). Заходя на кладбище, дастархан с угощением — "дастовез" отдавали в распоряжение специальной женщины-организатору семейных праздников и поминальных об-

рядов — "ходим", "вакила", "кайвону" (лит. — кадбону). Она собирала все поступившие дастарханы и подавала к общему дастархану — "дастархони умуми".

Группа во главе с сопровождающим ходила на кладбище, здороваясь с покойником, окружала его могильный холм, оплакивала его, посвящала ему молитву. Потом ухаживали за могилой: подметали, очищали тряпочкой, осыпали зерном — пшеницей, ячменем или просом, поливали в посуду (пиалку) воду для удовлетворения арвохов, представляющихся в образе птиц. Группа, попрощавшись с покойником, собиралась на специальной площадке, предназначенной для погребального танца и общей трапезы. На площадке устраивали погребальный танец — "самаву садир", а потом принимались есть кушанья, которые подавала всем специальная женщина из всех дастарханов. Остатки кушаний раздавали могильщикам, муллам, чтецам корана — "қориҳо" и другим.

Временное предание земле тел молодых и пожилых

В прежние времена в горных районах Джиргитала, Каратегина, Дар — ваза и Файзабада в случае смерти путника или странника, умершего вдаль от родных, его хоронили временно. Могила временного захоронения мало отличалась от других обычных могил постоянного захоронения. Разница заключалась лишь в том, что умершего странника хоронили отдельно на кладбище, известном под именем "кладбище для чужеземцев" — "гўрхонаи ғарибон", "қабристонии ғарибон"⁵³ или же хоронили на общих кладбищах — в сторонке. Когда объявлялись его родные, они хоронили его в своем кишлаке на родовом кладбище.⁵⁴ Во время похорон в к.Элок (Нижний Каратегин) пожилые люди, обращаясь к земле, говорили: "Мо ҳами амонатира ба ту супурдем, э хок, амонати мора хиёнат накун" — "Мы временно отдали его тело тебе на хранение, ты не подведи нас".⁵⁵ В Файзабаде верующие люди были убеждены, что если группа старых и благочестивых людей с молитвой обратится к земле и попросит ее сохранить тело странника, то якобы на самом же деле земля выполнит их просьбу и невредимо сохранит тело до появления его родственников.

Верующие (к.Гулхайри Боло Файзабадского района) убеждали простых, доверчивых людей в том, что якобы тела восьми категорий людей долгое время остаются неповрежденными после захоронения. К таким категориям они относили тела шейхов, ишанов, ходжи, мулл, обидов, зокидов, считающиеся "благочестивыми" и "близкими богу" — "азизони худо". Они считали себя посредниками между богом, духами и людьми. Как известно, степень быстрого или медленного разложения тела захороненных людей зависит не от рода их происхождения и степени "благочестия", а в полной мере зависит от качества земли того района, который был выделен для кладбища. Обычно таджики для кладбища выделяли возвышенные места, холмы и предгорья, земля которых обычно бывает сухой, а в горных районах — каменистой. Оттого, что о таких "почтенных" трупах "благочестивых" людей духовенство заботилось особо, впоследствии их могилы становились местом поклонения верующих людей — "мазорҷой", "мазори муқаддас". При таком захоронении, возможно, тела некоторых покойных, хорошо обложенные камнями, долго не портились. Во время этнографических экспедиций и

командировок на Памир, в Ванч, Калаихумб, Хоит, Джиргатали, Каратегин, Комсомолабад, Файзабад, Рамит и другие районы мы очень много слышали о подобных случаях.

Таджики раньше знали о бальзамировании покойников, о чем писал М.С.Андреев.⁵⁶ Духовенство и его приспешники по поводу таких случаев распускали слухи о том, что якобы подобные люди являются святыми — "авлиё" и т.д. Более того, они приписывали им чудесное рождение от божественных отца и матери. О происхождении таких людей говорили: "Тавореш катӣ аз осмон омадагӣ" — "Он вместе с люлькой свалился с неба". Разумеется, такое утверждение неправдоподобно.

Т р а у р

В память умерших родные, близкие и друзья строго соблюдали традиционный траур, который во многих местах продолжался минимум до одного года.⁵⁷ В это время они одевали траурную одежду. При этом уделялось особое внимание замене верхней одежды, головного убора, обуви.

Кроме того, женщины меняли прическу и снимали украшения. Это прежде всего наблюдалось у таджичек северных, т.е. равнинных районов. Женщины южных (горных) районов, в основном меняли головной убор и снимали украшения, меняли прическу. Траур более строго соблюдался среди женщин северных районов.⁵⁸ Мужчины не брались от 7 до 40 дней в случае смерти молодых. Они одевали специальный верхний траурный халат черного, зеленого или синего цвета (чомаи ласи сиёх, чомаи зирагӣ). В Самарканде и Бухаре одевали на голову тюрбетейку, сшитую из зеленого бархата. Пожилые завязывали чалму серого или темноватого цвета местного и афганского кустарного производства — "саллаи ҷойдорӣ", "саллаи авғони", на ноги обували ичиги и галоши местного производства "кавш". В настоящее время надевают среднеазиатские галоши. Поверх халата опоясывались платком, который в разных районах называли по-разному: в Файзабаде и Гиссаре — "фута", "миёнбанд" и "нумоли миён", в Самарканде — "якабанд", "миёнбанд", "белқарс" и т.д.

Мужчины горных и южных районов Таджикистана в случае смерти и траура по молодым надевали более скромную одежду. Траур по молодым отличался от траура по пожилым. Почти во всех районах по поводу смерти молодого одевали траурные не слишком яркие одежды темного, черного или зелено-синего цветов. Во многих районах в день похорон одевали траурные одежды наизнанку — "либосаша напӣа — мепушид". Траур снимала только официальная женщина, устраивающая поминальные обряды — "ходим". Например, в Ура-Тюбе женщины, соблюдавшие траур с одеванием верхней одежды наизнанку, носили его до наступления первой пятницы — "то рӯзи ҷумъаи аввал". Потом "ходим" снимала траур и надевала новое платье, за что женщины давали ей выкуп деньгами. Снятие траурных платьев почти во всех районах было одинаково. Их надевали через голову, а снимали, разорвав ворот, спустив с тела вниз подобно тому, как снимают одежду с покойника — "аз сар пушида, аз по мекашанд". Все это происходило участием и помощью "ходим", которая потом забирала себе траурные одежды.

Одевание и снятие траурной одежды является древним архаическим обычаем, который сохранился до наших дней. Он имеет магический смысл и аналогии. Согласно поверьям, все горе, болезни и несчастья, внезапно

настигшие человека, якобы покидают его, выходя только через ногу, особенно стараются выходить из большого левого пальца. Верили, что у покойника, опущенного в могиле за сорок дней после совершения обряда по случаю исполнения сорока дней — "чилшкан", якобы лопнет большой палец ноги, оттуда выйдет содержимое, он избавится от страданий и успокоится навсегда.

Как уже было сказано, из всех семейных обрядов (рождение, свадьба) самыми устойчивыми являются похоронно-погребальные. Комплекс погребальных и поминальных обычаев, обрядов и верований представляет собой наиболее консервативную и исторически устойчивую область духовной культуры народа. В ней отражены наиболее древние поверья и традиции. Их изучение позволяет проследить историю развития традиционного быта и культуры народа, выяснить исторические этнокультурные связи с соседними народами. Материалы по данной теме представляют интерес также для изучения мировоззрения и эволюции древних религиозных верований.⁵⁹

Ислам при своем распространении отрицал многие доисламские верования, древние культы, объекты поклонения и религиозно-мифологические образы локального характера, но и учитывал их устойчивость и переплетался с ними, некоторые из них взял под свое покровительство. В результате этого многие доисламские верования, синтезированные с исламом в реликтовом виде, дошли до начала XX века.

Следы многих ранних религиозных представлений среднеазиатских народов, в том числе и таджиков, связаны с погребальными обрядами.

К покойнику у таджиков было двоякое отношение: с одной стороны, его боялись как человека, которого постигло несчастье, лишившегося жизни и земной благодати под влиянием законов природы и злых сил, которых часто представляли в образе духов-демонов. Поэтому боялись и предостерегались, опасливо относились к его личным вещам (очищали их светом небесных светил), особенно если он умер в молодом возрасте. Все родные и близкие соблюдали траур. До определенного времени они наизнанку носили верхнюю одежду. Женщины снимали свои украшения, меняли прическу, в пиршествах и веселье не участвовали, заметно меняли свой образ жизни. С другой стороны, люди прошлого воспринимали смерть не как окончательный уход из бытия умершего человека, а как наступление перелома в его жизни. Они были уверены в том, что люди после смерти также будут жить на том свете, но только в несколько иных воображаемых фантастических условиях, напоминающих земную жизнь. Существование родовых кладбищ на территории Таджикистана, захоронение покойного ближе к родным, кормление его голодающего духа "арвоҳи гушна" жертвенным угощением "арвоҳшӣ" и т.д. свидетельствуют о существовании подобных представлений.

Исполнение заветов покойного, очищение его тела от нечистоты, в "гостевую ночь" пение ему "последней колыбельной", имитация свадьбы и украшение "трона", "колыбели неги", поздравление с одеванием новой одежды — савана — "сару пой нав муборак" и с "новым домом", далее поздравления с праздниками — все это — 60 остатки пережитков прошлого, проявления уважения живых сородичей к покойному, а организация поминок — почитание его доброй памяти.

Смерть в младенческом и преклонном возрасте и связанные с ней погребальные обычаи и обряды напоминают свадебное пиршество превратной формы. Из-за того, что похороны являются не настоящей свадьбой, обряды эти имеют обратную (превратную) форму. Например, при обмыва —

нии тела покойного его моют так же, как и живого человека, соблюдая все ритуалы полного омовения "гусл". Однако разница в том, что тело умершего обмывали в противоположной, чем у живого, последовательности, что называлось "гусли мурда" или "чапша тахорат мекунонанд". Сам факт обратного фантастического отражения земных явлений в мифах, легендах, характеризующих рай, ад, день страшного суда, потустороннюю беззаботную жизнь, несет под собой определенную земную и жизненную основу. Ф.Энгельс говорил о религии как о "фантастическом отражении в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни",⁶¹ которое возникло из самых темных, первобытных, неправильных, ложных представлений человека о своей собственной и внешней природе.

Именно тяжелейшие факты человеческой жизни: болезни, неудачи, расстройство, утрата близкого человека и другие несчастья, причины которых часто оставались неясными для первобытного человека, — способствовали появлению религиозных образов и различных идеалистических и мифологическо-фантастических идей о существовании потусторонней жизни, вере в рай, ад и воскрешение людей после смерти.

Каждая общественная формация наложила свою печать на общественную жизнь. Особенно ярко следы этой печати выступают в религиозных образах, воображаемых сверхъестественных мифологических и демонологических образах. К образам религиозно-мифического фольклора относятся имена четырех арабских равноправных архангелов — "чор фарштаи мукарраб". Среди них самым беспощадным является Азраил, отнимающий душу людей, — "Азроили фронгир". Более популярными образами религиозного фольклора также являются Мункар и Накир — ангелы-допросители и Даджал с его страшным фантастически заманчивым ослом — "хари Даджол", считающимся антиподом вероучения пророка Мухаммада наподобие антихриста, появление которых якобы означает конец мира — "охиршавии дунё", "қиёмат — қоён", а в Бухаре — "қиёмат-қоил".

Ислам заметно влиял на похоронные обряды, однако многие древние представления таджиков продолжают бытовать по сей день. Основные вышеприведенные погребальные обряды и обычаи относятся к дореволюционной жизни таджиков. В наши дни трансформировались многие древние и исламские религиозные обряды и представления. Появились некоторые изменения в процедуре похорон и траура. Например, в ряде мест под влиянием общественности исчезали "йиртиш", "хайрот", посох, а вместо них появились некоторые новые моменты — фотографирование покойного, ношение фотографии молодого покойного на похоронах и при поминальном обряде, а в случае смерти видных руководителей и общественных работников — произнесение речи у их могилы.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Керимов Г.М. Шариат и его социальная сущность. — М., 1978. — С.49.

² Суханов И.В. Обычай, традиции и преемственность поколений. — М., 1976. — С.5.

³ Керимов Г.М. Шариат и его социальная сущность, с. 48.

- 4 Андреев М.С. и Половцев А.А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии: Ишканим и Вахан // Сб. музея по антропологии и этнографии при императорской Академии наук, в. 9. -СПб, 1911, - С. 17-19.
- 5 Андреев М.С. К характеристике древних таджикских семейных от-
ношений // Известия ТФАН СССР. - Сталинабад, 1949, - № 15. -С.3-19.
(Далее: "Андреев М.С. К характеристике...").
- 6 Андреев М.С. Таджики долины Хуф. - Сталинабад, 1953. -Вып. 1.
-С. 185-202.
- 7 Он же. Материалы по этнографии Ягноба (запись 1927-1928 г.г.)
/Подготовила к печати А.К.Писарчик. - Душанбе, 1970.-С. 128 и далее .
- 8 Он же. По этнологии Афганистана: Долина Панджшир. - Ташкент,
1923, - С. 52-55.
- 9 Рахимов М. Обычай и обряды, связанные со смертью и похоронами
у таджиков Кулябской области// Известия отд. общ. наук Тадж.ССР.-Ста-
линабад, 1953. - № 3. - С. 107-130.
- 10 Қодиров Р.К. Фольклори маросимии тореволюционии тоҷикони во-
дии Қашқадарье. - Душанбе, 1963.
- 11 Писарчик А.К. Смерть. Похороны // Сб. Таджики Каратегина и
Дарваза, вып. 3. - Душанбе: Дониш, 1976. - С. 118-164. Подробную
библиографию по похоронам см. там же, с. 176-193.
- 12 Хамиджанова М.А. Некоторые архаические погребальные обряды
таджиков// Сб.: Памяти А.А.Семенова. - Душанбе: Дониш, 1980. -С.287
-293.
- 13 Бабаева Н., Бахтоваршоева Л. Саван// Сб. Костюм народов Сред-
ней Азии. - М.: Наука, 1979. - С. 127-133.
- 14 Мардонова А. Из этнографии таджиков Файзабада (суеверия и
запреты похоронного обряда). - В кн.: Материалы по истории культуры
Таджикистана. - Душанбе: Дониш, 1981. -С. 211-226.
- 15 Юсуфбекова З. Прижизненные поминки в Шугнанах// Краткое содер-
жание докладов Среднеазиатско-Кавказских чтений. - Л., 1980. Она же.
Некоторые особенности шугнанских погребальных обрядов//Краткое содер-
жание докладов Среднеазиатско-Кавказских чтений. - Л.: Наука, 1979,
- С. 11-12.
- 16 См. также Қодиров Р.К. Фольклори маросимии тоҷикони Қашқа-
дарье, с. 91.
- 17 Фута - специальный пояс, повязываемый женщинами при похорон-
ных и поминальных обрядах.
- 18 Обычай "гардангирӣ" бытовал у всех таджиков. Подробно см.Қоди-
ров Р. Фольклори маросимии тореволюционии тоҷикони Қашқадарье,с. 84-
85; Троицкая А.Л. Похороны и обряды, связанные со смертью и трауром//
Сб. Занятия и быт народов Средней Азии. - Л., 1971.-С. 237.
- 19 О "тахте" и украшении покойного упоминает Писарчик А.К. Писар-
чик А.К. Смерть. Похороны, с. 123, 124, 126.
- 20 Подробное описание сандала см.: А.К.Писарчик. Традиционные спо-
собы отопления жилищ оседлого населения Средней Азии в XIX-XX вв.//
Сб. Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1982. - С.
69-103.

- 21 Вьшивка – чок, сузани является традиционным предметом быта. Ими пользовались в двух случаях: во время свадьбы и траура. На свадьбу его вешали на стене для украшения комнаты новобрачных, а после смерти им накрывали тело покойного и украшали погребальные носилки.
- 22 Обряд "тахтзанон" или "торкашон" также устраивался и при свадьбе, назывался в Самарканде "чокзанон", в Бухаре – "торзанон", в окрестностях Душанбе – "чойгаштак", в Ленинабаде – "дупонаталбон" и т.д.
- 23 О. Муродовым собран большой подробный материал о посохе (асо, хассе, таёк), который будет издан отдельной работой, поэтому здесь подробно не останавливаемся.
- 24 О муноджотах подробно см.: Муродов О. Шаманский обрядовый фольклор у таджиков средней части долины Зеравшана // Сб. Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. – М., 1975, – С. 96–117.
- 25 Рахимов М. Обычай и обряды..., с. 125; Писарчик А.К. Смерть. Похороны, с. 126.
- 26 Чтение "колыбельной песни" покойным впервые было обнаружено в 1968 г. у Самаркандских таджиков в к. Кулбаи Поён Самаркандского района О. Муродовым и со слов Султон-бекалла было записано на магнитofонную ленту. Это сообщение приведено в работе Писарчик А.К. Смерть. Похороны, с. 119–183.
- 27 Жезло употреблялось как отпугивающее и отгоняющее демонов. Андреев М.С. Таджики долины Хуф. – в. 1. – С. 55.
- 28 О злых духах-оборотнях, принимающих образы разных домашних и диких животных, подробно см. Муродов О. Древние образы мифологии у таджиков долины Зеравшана. – Душанбе: Дониш, 1979. – С. 32, 35, 43 – 46, 65–66.
- 29 В Джиргатале на живот умершей беременной женщины клали коммок сухой земли, а в Верхнем Каратегине – коммок земли и кусок соли, входили в часть "хайрот" для выкупа грехов покойной. Об этом подробно см.: Мардонова А. Из этнографии таджиков Файзабада (суеверия и запреты похоронного обряда). – В кн.: Материалы по истории культуры Таджикистана. – Душанбе: Дониш, 1981. – С. 211–226.
- 30 Писарчик А.К. Смерть. Похороны, с. 124.
31. О свадьбе изучаемого района подробно см.: Мардонова А. Свадебное торжество у таджиков Файзабада // Сб. История и этнография народов Средней Азии. – Душанбе: Дониш, 1981. – С. 106–122.
- 32 Андреев М.С. Поездка летом в 1928 г. в Касанский район (Север Ферганы). – Ташкент, 1929, – С. 116.
- 33 Обряды наряджения подставного жениха после смерти девушки бытовали у мордвы. См.: Кавтаскин Л.С. Пережитки обрядов, причитаний и песен, связанных с древним мордовским обычаем имитацией свадьбы при похоронах умершей девушки. – В кн.: "Фольклор и этнография". – Л., 1974, – С. 269.
- 34 Писарчик А.К. Смерть. Похороны, с. 126–127.

35 Ср. Кисляков Н.А. Язгулемцы: Этнографический очерк // Изв. ВТО. 1948. - Т. 80. - Вып. 1. - С. 370.

36 См. также Писарчик А.К. Смерть. Похороны, с. 123-124.

37 Об этом подробно см.: Розенфельд А.З. Говораи ноз - древний погребальный обряд на Вандже (Тадж.ССР) и траурные рубаи. - В кн.: Фольклор и этнография. - Л., 1974. - С. 251-258; в других горных и равнинных районах Таджикистана были зафиксированы этнографами. См.: Писарчик А.К. Смерть. Похороны, с. 124-126.

38 Арова (лит. "ароба") означает крытую арбу, которую таким же образом сооружали при отправлении в далекий путь, особенно женщин.

39 Амбарй - (лит. "анбария") - благоухающий амброй, ароматный, душистый, см.: Таджикско-русский словарь. - М., 1954. - С. 26.

40 Сароҷо (лит. "сароҷа") - домик, беседка - "тахти равон".

41 Об этом подробно см.: Розенфельд А.З. Говораи ноз..., с. 251-258; Писарчик А.К. Смерть. Похороны, с. 126, 138, 139.

42 "Йиртиш" главным образом готовили из белой бязи, разрывали ее руками на куски, примерно с полметра, в уголок завязывали от 1 до 3 рублей денег или же одну пачку чая, в Бухаре (иранцы Зирабада) в "йиртиш" завязывали горсть черного кишмиша с жареным горохом - "нахӯти бирёну мавизи сиёҳ". О других видах "йиртиша" - "токивор" в горных районах Таджикистана см.: Писарчик А.К. Смерть. Похороны, с. 132, 134, 135.

43 Юсуфбекова З. Семья и семейный быт шугнанцев (конец XIX - начало XX в.). - Душанбе, 1980. - С. 181 (рукопись).

44 Исконные земледельцы в знак почитания своей земли (в виде сульмы) мазали глаза во время земледельческого праздника - "ҷуфтбурон" - "вспашка первой борозды". Такие действия производятся у самаркандских таджиков.

45 О саване см.: Писарчик А.К. Смерть. Похороны, с. 134-135; Бабаева Н. и Бахтоваршоева Л. Саван // Сб. Костюм народов Средней Азии. - М.: Наука, 1979. - С. 127-133.

46 Писарчик А.К. Смерть. Похороны, с. 136.

47 Такие духи являлись "грабителями" (қарақчи), "хромыми" (арвохи ланг) и с другими физическими недостатками. О духах-грабителях упомянул Андреев М.С. Материалы по этнографии Ягноба, с. 129-130.

48 Представления о вреде покойника были распространены всюду по Средней Азии, Казахстану, Ирану, Афганистану и др. О способах защиты детей, женщин, мужчин и мерах их предупреждения имеются некоторые сведения в этнографической литературе. Представления о вреде духов покойников иногда переплетается с представлением о демоне альмасты. См.: Андреев М.С. Таджики долины Хуф, т. 1, с. 46-60; Муродов О. Древние образы мифологии..., с. 56-69.

49. Писарчик А.К. Смерть. Похороны, с. 142-144. О формах могил подробно см.: Бабаева Н.С. Форма могил у некоторых этнических групп Кулябской области // Сб. История и этнография народов Средней Азии. - Душанбе, Дониш, 1981. - С. 123-128.

50 Писарчик А.К. Смерть. Похороны, с. 147-148.

- 51 Аналогичное поверье бытовало в Кулябской области. Рахимов М. Обычай и обряды..., с. 122.
- 52 Писарчик А.К. Смерть. Похороны, с. 124-125. Авторы статьи выражают свою искреннюю признательность А.К.Писарчик и тем сотрудникам сектора этнографии Института истории им. А.Дониша АН Тадж. ССР, которые дали полезные советы для улучшения работы. Они также благодарят всех информаторов, сообщения которых легли в основу статьи.
- 53 О родовом кладбище и кладбище чужих и странников см.: Андреев М.С. К характеристике..., с. 18; Писарчик А.К. Смерть. Похороны, с. 141-142; Рахимов М.Р. Обычай и обряды..., с. 123.
- 54 Сообщение Акбара Рахимова, 1910 г. рождения, таджика, жителя к. Элок, гузара Гулхайри Боло Калаи Даштского сельсовета Файзабадского района.
- 55 О временном захоронении имеется сведение в работе Андреева М.С. К характеристике..., с. 12-16.
- 56 Андреев М.С. К характеристике..., с. 15, 16.
- 57 По сообщению М.С.Андреева, раньше в горных районах срок траура и выхода замуж жены умершего (или же женитьбы мужа захоронившего жену) был разным. Он колебался от 3 дней до одного года. См.: Андреев М.С. К характеристике..., с. 9-10.
- 58 О траурной одежде таджиков Самарканда см.: Сухарева О.А. История самаркандского костюма: Самарканд (2-я половина XIX-нач. XX века). - М.: Наука, 1982. - С. 36-43. Там же дана библиография, с. 125-126.
- 59 Курогло С.С. Семейная обрядность гагаузов в XIX - начале XX в. - Кишинев: Шитинца, 1980, с. 93.
- 60 В Египте по окончании похорон каждого из близких родственников покойного приветствуют молитвой, "поздравляют с тем, что его жизнь продолжается". Лэйн Э.У. Нравы и обычаи египтян в первой половине XIX в. - М.: Главная редакция восточной литературы, 1982, - С. 404.
- 61 Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, 2-е. изд. - Т. 21. - С. 313.

Н.Э.ТОШМАТОВ

СВАТОВСТВО И СГОВОР У НАСЕЛЕНИЯ УРАТЮБИНСКОГО РАЙОНА 1

Город Ура-Тюбе с его округой в XIX-начале XX в. по своему этническому составу был неоднородным. Здесь, кроме основного населения таджиков, жили различные группы тюркоязычного населения.² По данным некоторых нарративных источников, приводимым А.М.Мухтаровым,³ а также народным преданиям, записанным Н.О.Турсуновым⁴ и нашим опросным материалам, среди таджиков, кроме коренных уратюбинцев, были группы, предки которых являлись выходцами из Самарканда, Бухары, Каратегина, Матчи, Фальгара, Ягноба и Ферганской долины.